

СИМЕОН ГОРСКИЙ — ОГАРЕВУ И ДРУГИМ ЭМИГРАНТАМ

Перевод Л. Р. Ланского

Автором печатаемого ниже письма является молодой болгарский патриот Симеон Горский, принявший решение покинуть Турецкую империю и вступить в ряды деятельных борцов за освобождение Болгарии. С юношеским энтузиазмом приветствует он Огарева и его единомышленников, в которых справедливо видит выдающихся революционеров, беспредельно преданных борьбе с деспотизмом. «Я хотел бы соединить свои усилия с вашими,—пишет Горский,—чтоб служить Сербии и Болгарии так, как вы делали это для России и Польши».

Ответное письмо Огарева неизвестно. Остается неизвестной и дальнейшая судьба Симеона Горского.

Печатаемое письмо является новым документальным свидетельством влияния русских революционных деятелей на южнославянское освободительное движение.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 148).

Перевод с французского

Константинополь (Пера). Апрель 1873

Милостивые государи!

Если дозволено молодому человеку, неизвестному, бедному и совершенно не имеющему покровителей, едва выходящему из светлых дней юности, чтобы радостно броситься в житейское море, — если ему дозволено избрать себе руководителя, который управляет бы его сердцем и вел его твердо к цели, — прошу вас, господа, извинить вольность, с которой я обращаю к вам эти строки.

Я болгарин. Тырново, благородное и древнее Тырново, было свидетелем моего рождения. С самого детства судьба приговорила меня к жизни вдали от родины, вдали от родной земли, вдали от соотечественников. Но око провидения бодрствовало надо мной: я вырос и видел, как разгорается во мне священный огонь патриотизма, которым я проникся под небом Болгарии.

Мне теперь только восемнадцать лет. В моем возрасте кровь горяча, страсти неукротимы, душа тверда и непоколебима, сердце благородно и великодушно; в моем возрасте, сжигаемый огнем энтузиазма, преисполненный любовью к идеалу и ревностью ко всему, что ведет к славе, волнуемый одновременно тысячью разнообразных чувств, человек оказывается внезапно перед двумя дорогами: одна дорога — дорога удовольствий, сладострастия, власти и богатства; она широка, роскошна, она нас развлекает некоторое время, но ее благоухания обманчивы; под покровом поддельного счастья она прячет гнусность и подлость, но под конец она отравляет жизнь и ведет к бездне. Другая — покрыта терниями, мрачна, неровна и лишена радостей, окутана мраком, обещает страшнейшие утраты и пересечена тысячами бездн; вначале она нас ужасает и воздвигает непреодолимые препятствия нашей энергии, но она венчает старость и ведет к бессмертию.

Я избрал вторую дорогу. Поприще, на которое я вступаю, угрожает гибелью; однако я устремляюсь на него с такой страстью, я так убежден в непоколебимости своего характера, так мало страшусь будущего, святость моих намерений кажется мне столь очевидной, что я все готов отдать в жертву делу, которому буду служить. Что мне до всего остального?

На горизонте взволнованного моря, в которое ладья моей жизни брошена на волю волн, я вижу мрачные тучи, угрожающие мне, быть может, великими бедствиями, суровыми испытаниями... Тщетные предчувствия! Тщетные угрозы!.. Я хозяйин своей жизни, я посвящаю ее долгу, и ничто в мире не может помешать мне в этом.

Не раз, в часы мечтаний, я размышлял о своей судьбе и искал такого уголка на земле, где я мог бы один, в любви, мире и свободе, спокойно выполнять свои обязанности и идти по пути, начертанному мне совестью. Это столь желанное убежище, наконец, найдено мною. Женева, мирная и независимая Женева, привлекла к себе мои взгляды: я распознал в ней город свободы, справедливости и братства, сердце мое увидело в ней приют бедности и чести, пристанище добродетели и невинности. Этот город явится для меня новой родиной и, возможно, заставит меня позабыть горечь изгнания.

Господа, к вам, выбравшим себе это же местопребывание, к вам, нашедшим гостеприимство у великодушного и сочувствующего народа, решил я присоединиться. Да, я приеду; я хочу посвятить свою жизнь и свои силы служению человечеству; я хочу начертать свое имя на стенах храма свободы; я сам хочу принести свою долю жертвы на алтарь всемирного освобождения; наконец, если когда-нибудь искупительный трофей будет вознесен над развалинами этого мрачного здания тирании, я хочу иметь удовольствие сказать себе: «И я, и я содействовал этому делу возрождения!»

Вы внушили мне, господа, — ибо в этом я должен вам признаться, — вы внушили мне еще издавна сильнейшую к себе привязанность. Когда в часы мучительных колебаний я не знал, к кому обратиться свои взоры, когда, терзаемая тысячью разных тревог, душа моя приходила в смущение, надежда исчезала из моего сердца и чело мое омрачалось, внезапно яркий луч освещал мою голову, разжигая угасший пыл, придавая ему ту непоколебимую силу, которая увлекала его в поток жизни, сверкающей, исполненной славы: лучи этого света до меня доходили от вас.

Моя душа исполняется глубочайшего восхищения к вам каждый раз, когда я вспоминаю, какой пример твердости, величия, патриотизма и настойчивости вы всегда представляли своим поведением. Постоянно руководимые справедливостью и правдой, вы всегда были преданы интересам человечества и жертвовали всем для их защиты. Ничто не приводило вас в отчаяние, ничто не могло положить предела вашей неустрашимой твердости. Россию, вашу родину, никогда не покидали вы мыслью: день и ночь трудились вы для ее благополучия; вы ничего не пожалели для улучшения судьбы своих соотечественников. Долгое время русский народ склонялся под мрачным скипетром тирании; долгое время злоеший хищник деспотизма парил над ним. Вы сделали все, вы употребили все свои силы, чтоб поразить его. Если вы еще не достигли этого, если вы еще полностью не переделали общественный строй в России, — строй, утвержденный на крови и мраке, составляющий позор нашей эпохи, — вы, по крайней мере, можете радоваться тому, что потрясли его основы, содействовали распространению успехов братства и независимости среди угнетенного народа, униженного монархией и аристократией, этими двумя бичами Востока. Вы можете радоваться тому, господа, что рассеяли все

ужасы невежества и фанатизма или дали первый сигнал этому благородному и святому делу.

Вы показали своим соотечественникам бездну, в которую они свалились, и средства спастись из нее; вы извлекли их из того состояния отупения, в которое они впали под гнетом деспотии. Наконец, постоянные и ожесточенные враги рабства, вы указали русским дорогу свободы и счастья, несмотря на клеветы, оскорбления, лживые обвинения и проклятия, которыми осыпали вас ваши враги, несмотря на бешенство и злобу ваших преследователей.

Я хотел бы, господа, быть рядом с вами, чтобы вы смогли прочесть на моем лице, как далеко простирается мое восхищение вами. Разрешите мне, прошу вас, излить в этих строках чувства, которые вы разбудили в глубине моего сердца. Я восхваляю вас, господа, за то, что вы всегда проявляли величайшую преданность своей родине. Я восхваляю вас за то, что вы всегда были борцами за всеславянское дело, что вы всегда были великодушны, справедливы, непреклонны в своих внутренних убеждениях. Я восхваляю вас за то, что вы всегда были человеколюбивы и полны сочувствия к нуждающимся. Я восхваляю вас за то, что вы всегда были великими демократами, заклятыми врагами всемогущего московского трона. Я восхваляю вас за то, что вы преодолели все преграды, воздвигнутые русской аристократией против вашего рвения; за то, что вы вступили в смертный бой с мрачной политикой петербургского правительства; за то, что вы восстали против ужасной формулы царского деспотизма: «Быть посему!». Наконец, господа, я восхваляю вас за то, что вы предпочли добровольное изгнание в чужую страну—презренному и жалкому существованию в России.

Вот каков голос моей совести, вот что все люди, любящие свою родину, говорят вам моими устами, вот какое благоговение питало к вам мое сердце.

Не удивляйтесь же поэтому, если в желании следовать вашему примеру, которое вы возбудили во мне, и в моей робкой неопытности я решился явиться, чтобы стать под ваше знамя; не удивляйтесь, если, верный поклонник всех ваших начинаний, всех дел, которые вы поддерживали, я явлюсь, чтобы выбрать вас в свои руководители и покровители.

Вы будете моими наставниками: вы научите меня, как жить в изгнании, в несчастии, в вечной ссылке, как можно все выстрадать за родину. Вы научите меня, как довести до конца великую миссию, которую я сам на себя возложил. Там, подле вас, я буду нечувствителен ко всем жестокостям, которые судьба может мне ниспослать, я стану презирать все беды, я буду выше горестей и страданий. Там, наконец, мое перо, смоченное желчью негодования, покарает без всякой жалости восточную тиранию и в ненависти, как и в любви, в угрозах, как и в преданности, будет решительно и неумолимо.

Итак, я покидаю свою родину, я оставляю свою родную землю. Но что говорю я? Свою родину? Ах! небеса, которые внимают мне в этот миг, бог, который знает все мои чувства и который читает в глубине моего сердца, бог знает, сколько горьких слез я пролил, покидая отеческий кров. Он видел мое горе, мое отчаяние. Он знает, что мое грустное прощание прерывалось мрачными рыданиями, что моя душа стонала в молчании.

Но таково было веление судьбы, и закона ее нельзя избежать: надобно было отправляться... Отправляться, не имея никакой надежды на возвращение. Судите, каково было мое положение, господа; я оставляю родину, как оставляют мрак Тартара, я покидаю домашний очаг, как покидают ад!..

О, я должен, наконец, во всем вам открыться. Господа, не свою родину, а Турцию покидаю я; но моя родина принадлежит теперь туркам, она закована в цепи под троном деспота-мусульманина. Моя родина — страна, где кровь течет непрестанно, ибо эта страна порабощена жестоким и варварским владычеством турок. Эта азиатская орда рыщет безнаказанно по дунайским землям, оскверняет имя наших предков и держит нас под кровавым ярмом.

Итак, моя родина—это Турция, и Турция мне отвратительна, и Турцию я ненавижу более всего на свете, и я скорей предпочел бы жить среди каннибалов, чем среди оттоманов.

Да, господа, здесь воля тирании распоряжается всем: здесь даже закон — лишь образ деспотизма, символ рабства. Здесь все — гнусность, и мрак, и мерзость. Справедливость изгнана отсюда, невинность преследуется, честь приносится в жертву криводушию, а добродетель почитается злодеянием. Здесь бедность носит траур, заслуги презираются, слабый угнетен. Здесь произнесение слов «справедливость» и «патриотизм» является преступлением. Здесь хаос, жуткая бездна, в которой люди стенают среди всевозможных ужасов. Горе здесь тому, кто хочет жить честно, кто не умеет подличать перед вышестоящими, льстить им и, в свою очередь, подобно хищной птице, высасывать кровь из нижестоящих. Общественные интересы здесь принесены в жертву удовольствиям фанатичного и невежественного султана, громадные дворцы которого являются убежищем порока и гнуснейшей праздности и который сам окружен кровавыми коршунами, палачами его подданных. Наконец, здесь поистине общественная сумятица, где никто не избавлен от всечеловеческих насилий, где самые святые права всегда подлейшим образом поруганы, где свобода совести постоянно оскорбляется исступленным суевением... Вот что представляет собою Турция; об этом знает весь свет, господа, но существуют еще и вещи, которые человечество не знает, вещи, которые рука отказывается запечатлеть на нескольких окровавленных страницах!..

После всего этого, бога ради, господа, могу ли я остаться в Турции? Скажите мне, кто на моем месте действовал бы иначе, чем я.

Я выполняю свой долг...

Моя совесть требует, чтоб я ехал...

Могу ли я остаться?.. Испуганные моим решением, трепеща за мою судьбу, мои друзья говорили мне: «Останься, останься, бога ради! Не отправляйся искать гибели на краю земли, не заставляй нас погружаться в печаль! Останься в Турции, умоляем тебя!».

Увы! мой долг и моя совесть одержали победу над просьбами тех, кто мне дороже всего на свете, мой патриотизм одержал победу над советами тех, за которых я пролил бы всю кровь, текущую в моих жилах!

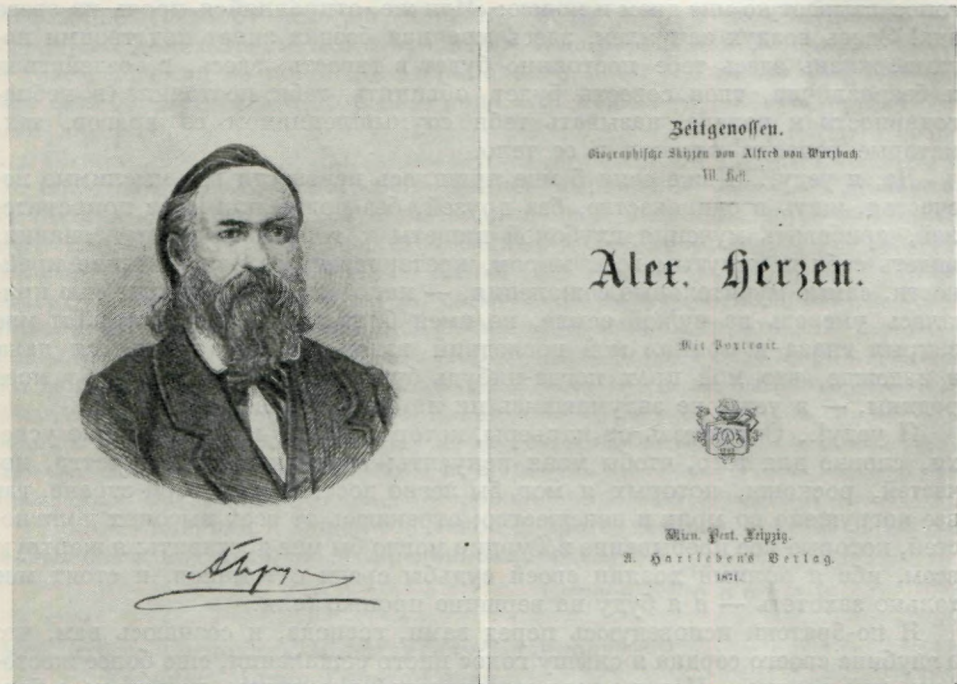
Я приношу еще и другие жертвы, но они показались бы мне сущими безделицами, если бы в глубине души я не слышал голоса самых жестоких сожалений... Ах, родители мои, отец мой, мать моя, я их также покидаю! Родители мои, которым я обязан жизнью, родители мои, воспитавшие мое сердце и душу, родители мои, всегда проявлявшие ко мне неистощимую доброту, ничего не жалевшие для моего образования, родители мои, наконец, чьи отеческие советы сверкают подобно факелам перед моим взором, — я удаляюсь от них!

Я удаляюсь от них! Ах, если бы для того, чтоб заслужить их прощение, мне нужно было отдать жизнь, если бы для того, чтоб получить их благословение, нужно было похоронить себя целиком, низвергнуть в небытие чело, которое жаждет лавров, мою голову, наконец, мою дерзкую голову, которая в своем стремлении к славе и счастью посмела вынашивать столько замыслов преобразований и свобод,—если бы нужно было

сделать все это, чтобы угодить им, я бы охотно пожертвовал собою, осчастливленный возможностью удовлетворить их, воссылая мольбы за их благополучие и процветание.

Но они желают мне счастья, это я, их старший сын, являюсь предметом их молений ко всемогущему, это я — их надежда, гордость, утешение их старости. Они любят меня нежно, они хотели бы отдать часть своих дней, чтобы удлинить ими жизнь мою.

Итак, я паду к их ногам, омою их своими слезами и, вымаливая их прощение, я буду заклинать их именем бога, теми слезами радости,

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК АЛЬФРЕДА ВУРЦБАХА, 1871 г.

Очерк издан в серии «Zeitgenossen» («Современники»)

Фронтиспис и титульный лист книги

которые они проливали над моей колыбелью, я буду их заклинать тем, что мое счастье отдалено от неба моей родины, что моя честь и моя юность изгоняют меня на чужую землю, что мой долг, столь же непоколебимый, как моя совесть, осуждает меня на изгнание из-под отеческого крова.

Вот как я буду говорить с ними, чтоб утешить их старость в разлуке со мной. Они меня отпустят—в этом нет сомнения, они меня простят, они не смогут остаться бесчувственными к моим мольбам.

Но что бы ни произошло, если вся природа, вся земля обратятся против меня, я уеду, живой или мертвый, я покину Турцию. Я скорей соглашусь, преисполненный отчаяния, покончить с собой, проклиная провидение, чем хоть чем-нибудь поступиться в этом.

Пусть я увижу своих друзей, своих братьев даже, на коленях передо мной, пусть даже они обвинят меня в неблагодарности, я останусь непреклонен... Как! продолжать жить в Турции?.. Чем я провинился, чтобы

отравлять свою юность горечью бесчестия, губить свое чистое и невинное сердце в мрачных обиталищах сладострастия и распутства, погружаться, на утре дней своих, в ужасы варварства? Что я совершил, в каком преступлении я виновен, чтобы навсегда угасить в своей душе это пламя искренности и честности, этот священный огонь, который в меня заронен еще в колыбели, который должен одушевлять меня в течение всей моей жизни и сопровождать до могилы? Какое злодеяние совершил я, чтобы жить в подлости, бесчестии, оставаясь глухим к крикам собственной совести, к упрекам собственной чести?

Нет, нет, отныне я не могу больше жить в Турции, ибо таинственный голос взывает ко мне днем и ночью: «Иди же, отправляйся прочь из этого ада! Здесь воздух зачумлен, здесь мрачная бездна зияет под твоими ногами, жизнь здесь тебе постоянно будет в тягость, здесь, в бездействии и безразличии, твоя совесть будет обвинять тебя постоянно в неблагодарности к родине, называть тебя соумышленником ее врагов, тех, которые вонзили кинжал в ее тело.

Да, я уеду!.. Даже если б мне пришлось перенести все мыслимые несчастья, жить в одиночестве, без друзей, без поддержки, без покровителей, прибавить мучения глубокой нищеты к горечи вечного изгнания, видеть себя покинутым всем миром, претерпевать самые жестокие крайности, самые мучительные сожаления, — наконец, если бы даже мне пришлось умереть на чужой земле, не имея близ себя никого, кто бы мне закрыл глаза и принял мой последний вздох, не имея утешения даже в надежде, что мой прах когда-нибудь будет возвращен под небо моей родины, — я уеду, не задумавшись ни на одно мгновение.

Я уеду!.. Отрекаюсь от карьеры, которая сулит мне блестящие успехи, словно для того, чтобы меня искутить; отрекаюсь от богатства, почестей, роскоши, которых я мог бы легко достигнуть в этой стране, где все погружено во мрак и невежество; отрекаюсь от всех высоких должностей, которые мое пребывание в Турции могло бы мне доставить; я жертвую всем, ибо я полный хозяин своей судьбы среди оттоманов, и стоит мне только захотеть — и я буду на вершине процветания.

Я по-братски исповедуюсь перед вами, господа, и признаюсь вам, что в глубине своего сердца я слышу голос иного сожаления, еще более жестокого, чем другие... Нет, не только родителей я покидаю, не только с братьями и друзьями прощаюсь я... Небеса, покровительствующие моей юности, дали мне ангела-хранителя, божественное дитя; возле меня был серафим, нежный и непорочный, который, в то время как мрачная грусть и черная тоска овладевали моим духом, один во всем мире являлся облегчать и утешать мою душу. То была нежная подруга моей жизни; она делила со мной мои тайные горести, она всегда умела вносить покой в мое сердце. Когда, несмотря на мою юность, горесть погружала меня в уныние, омрачала мое чело, когда я видел вокруг себя лишь убийства, тиранию, преступления, подлости, страдания, когда я изнывал под грузом самых жестоких волнений и самой мучительной боли, она, лишь она одна, являлась и садилась рядом со мной, и единым взглядом, единым словом вносила утешение, вселяла надежду в мое сердце...

Увы! нам пришлось расстаться! Нам пришлось расстаться! Но небо милосердно; рано или поздно оно сжалится над нами: быть может (и это моя самая сладкая надежда, самая святая моя мечта), быть может когда-нибудь мы снова увидим друг друга, полные счастья, дышащие любовью, миром и блаженством, — в тех краях, где мы проливали лишь горькие слезы!

* Многоточие в подлиннике так же как и на следующей странице.

О Турция! страна нищеты и позора, я покидаю тебя! Несмотря на кровавые жертвы, к которым ты меня принуждаешь, я скоро уеду! Прими же от меня вместо прощания презрение, проклятия — в знак вечной памяти. Ты, делающая меня глухим к голосу природы, принуждая меня бежать от того, что мне дороже всего на свете, ты, сделавшая мое сердце нечувствительным к голосу любви и дружбы, ты, подвергшая меня тысячам смертей еще до настоящей смерти, — если для свершения моих желаний недостаточно того, чтобы ты погибла, да вооружит меня господь мезтью, дабы я стал орудием твоей муки, спасителем болгарского народа. Да будет имя твое навсегда пригвождено к позорному столбу истории, покрыто бесчестьем, и да будешь ты и в грядущих веках предметом отвращения, и да передается, наконец, память о твоём падении из поколения в поколение, дабы потомство вспоминало, что есть бог-мститель, который — рано или поздно — наказует преступления людские.

Простите мне, господа, столь пылкое выражение моего негодования. Я кончаю свое письмо с душой, исполненной надежды; через разделяющую нас пропасть мне слышится тайный голос, говорящий, что вы протянете мне руку и поможете выйти из бездны, в которой я нахожусь. Вы предприняли, господа, священную задачу — воздвигнуть искупительный трофей над развалинами мрачного здания тирании. Я хотел бы соединить свои усилия с вашими, чтоб служить Сербии и Болгарии так, как вы делали это для России и Польши. Согласитесь ли вы взять меня под свое покровительство? Конечно, да, я в этом уверен заранее, и, ожидая вашего ответа, я никак не могу допустить, чтобы молодой человек, преданный интересам человечества и жертвующий всем, чтобы положить и свою долю на алтарь всеобщего освобождения, был отвергнут вами.

Полный доверия к вашей отеческой доброте, господа, я остаюсь вашим пламенным почитателем и преданнейшим слугой.

Симеон Горский

Мой адрес: Господину Константину Великому,
Ученику Лицея Галата-Сераи.
Для г-на Симеона Горского
Константинополь (Пера).